

Красноярский РАБОЧИЙ

Газета основана
в декабре 1905 г.

1991 год №6 9 января

Краевая ежедневная общественно - политическая

НАШ СОБЕСЕДНИК — АКАДЕМИК КИРИЛЛ СЕРГЕЕВИЧ АЛЕКСАНДРОВ, КОТОРОМУ
9 ЯНВАРЯ ИСПОЛНЯЕТСЯ 60 ЛЕТ

КРИСТАЛЛЫ ДУШИ

«Александров Кир. Сер. (р. 1931), сов. физик, ч.-к. АН СССР (1972). Чл. КПСС с 1953 г. Основные труды по фазовым переходам в кристаллах, главным образом в сегнетоэлектриках».

Советский Энциклопедический Словарь. Москва. 1984 г.

Легко сказать — не сотвори себе кумира. А если он неотступен, как был, например, образ академика Сергея Львовича Соболева, когда вместе с ним жил в одном городе, а теперь нашел словно его преемника для себя в Красноярске — другого нынешнего академика — Кирилла Сергеевича Александрова!

Не стану я этот раз расшифровывать и объяснять, за какие труды он отмечен как лауреат Государственной премии СССР. Ранее было такое интервью в связи с его избранием действительным членом Академии наук СССР. А теперь мы договорились: беседа без вопросов о политике, а лишь на общечеловеческие темы. Мне показалось, что юбиляр даже обрадовался и уделил разговору столько времени, сколько потребовалось. Воспроизвожу его по магнитофонной записи. А вначале мы вспомнили его «тактовую лекцию» в «Комсомольской правде» и общих знакомых...

— Пути в науку, конечно, у разных людей самые разные. Я себя не видел научным работником в юности, не был готов к этому и по семейному происхождению. Отец — сельскохозяйственник, зоотехник. Правда, после войны защитил кандидатскую диссертацию по каким-то кормам для животных, но он рано ушел из жизни. Мать — у меня машинистка. Так что в семье такого настроя не было. Да и образование мое школьное было рваное. Потому что вначале я был блокадником в Ленинграде, потом нас в Сталинград эвакуировали. Потом покатали вверх по Волге до Казани. Так что вся учеба была скомкана, пока мы после снятия блокады в 1944 году не вернулись в Ленинград. Таким образом, вся практика образо-

вания не была, я бы сказал, спокойной.

Правда, это не очень повлияло на общий уровень, потому что я лично считаю, что у нас в школе система образования — это фактически приучение к безделью, если уж говорить серьезно. Может быть, в среднем это не так, но для многих людей случается. Окончил я школу в 1948 году, отец еще жив был, — ну куда идти? Пошел учиться на инженера. Кораблями всегда интересовался. И названия их знал. И специализацию себе выбрал — радионавигацию.

Но меня высмеяли в этом институте, сказали, что такой специальности нет...

— Простите, а в каком институте?

(Окончание на 3-й стр.)

КРИСТАЛЛЫ ДУШИ

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

— В Ленинградском электротехническом имени Ульянова-Ленина. Высмеяли и сказали, что на радиотехнический факультет они меня не возьмут, а есть факультет, который занимается электронными приборами. И я поступил на этот факультет. А через год меня перевели на другой, который сейчас можно, наверное, назвать факультетом инженеров атомной промышленности. Откуда меня быстро выкинули, поскольку оказалось, что у меня был дядя в ленинградскую блокаду, расстрелянный как «враг народа» и, естественно, позже реабилитированный. Он был главным инженером фабрики «Красный треугольник», делающей галоши.

Я бы не сказал, что это была уж очень трудная ситуация, которая на меня повлияла. Но согласитесь, все-таки неприятно. Потом умер мой отец, мы остались на материнской зарплате плюс моя стипендия. В общем, было очень туго, поскольку зарплата машинистки была маленькая. Мне пришлось пойти работать вечерами в этом же институте. Так на втором курсе я стал работать лаборантом, наладчиком радиоаппаратуры по вечерам и готовил себя к стезе инженера — по ультразвуку, по дефектоскопии, то есть по определению дефектов внутри твердого тела, например, металла...

— Если не ошибаюсь, вы были гидроакустиком?

— Это моя военная специальность. А так-то я был специалистом по ультразвуку. И случилось стечение обстоятельств. Заведующего кафедрой ультразвука, точнее, акустики, так она называлась — избрали членом-корреспондентом Академии наук СССР, Сергея Яковлевича Соколова, человека достаточно жесткого, деспотичного, но тем не менее очень сильного ученого, хорошего человека. И он на собрании Академии встретился с академиком Шубниковым. Алексею Васильевичу нужен был человек, который занялся бы акустикой кристаллов. Вот так состоялось мое сватовство, что ли, в Москву после окончания института.

— На почве акустики кристаллов?

— Да. Понимаете ли, Шубников занимался — как бы это выразить попроще — распространением света в кристаллах и чувствовал, что должна быть аналогия между светом и звуком. Вот такое было у него внутреннее чутье. Это было все, что он мне сказал, когда я приехал к нему после института,

нас, своих учеников — аспирантов, вызвать и спросить, чем мы занимаемся и какие имеем результаты, какие у нас трудности. Мы должны быть готовы к такому вызову в любой момент. Это нас, между прочим, очень дисциплинировало — как ни говори, личное общение с шефом. Он любил русский язык, не допускал ни жаргона, ни повторений слов, особенно в таких оборотах, где употребляется слово «который»... В общем, он нас ругал по-всякому. У меня даже сохранились черновики кандидатской диссертации с его пометками: «Ничего не понял. Сделайте поправку на дурака». Я ему очень благодарен за то, что он для меня сделал.

И вот однажды принес ему статью и попросил быть соавтором. Он сказал, что ничего не сделал, а только подсказал, что надо делать. Все-таки я поблагодарил в статье за руководство, а он и здесь исправил и подписал — «за общее руководство».

Как вы понимаете, у нас очень много людей, иных руководителей и даже деспотов, которые вообще не выпускают работ без упоминания своего имени, не говоря о благодарности.

— А вот, например, академик Михаил Алексеевич Лаврентьев из почти 300 трудов лишь один опубликовал в соавторстве...

— Ну, это все-таки математика, в физике другая ситуация.

— Прежде всего это механика все-таки.

— Нет, я понимаю, что он теоретик-механик. Если бы он был экспериментатором, то все сложилось бы не так... Однако аспирантура у меня кончилась удачно, в том смысле, что я представил диссертацию в срок. И потом у меня было три пути.

Один путь — это вернуться в Ленинград, или, вернее, в Гатчину, и заниматься не тем, чем я занимался в аспирантуре, заниматься нейтронами. Там тогда создавался такой институт, связанный с исследованиями твердого тела с помощью нейтронов. Но для меня это была бы полная переквалификация.

Второе предложение мне сделал академик Зельдович, если вы помните такого трижды Героя Социалистического Труда и так далее. Яков Борисович предложил мне тогда поехать на Урал и заниматься влиянием сильных взрывов на твердое тело. И третий был Л. В. Киренский, который сказал, что я буду заниматься тем, чем считаю нужным, что он организует новый институт. И вот я оказался здесь.

— И все-таки почему вы

рите о самостоятельности, которая необходима для проявления творческой личности...

— Но и плюс, естественно, возможности. Ведь, понимаете, есть особая грань, которая перекликается со сложившейся обстановкой.

Здесь Кирилл Сергеевич, вопреки нашему уговору не затрагивать вопросы политики и финансов, рассказал о своих трудностях, как директора института, в прибавке зарплаты научным работникам, а также в сокращении штатов. Этот путь весьма непрост, как можно было понять из разговора. Но еще сложнее все-таки дорога от инженерии к научному творчеству.

— Все-таки путь переквалификации инженера в научного работника, — продолжал он рассказ, — оставляет неизгладимые следы. Несмотря на то, что я кончал электрофизический факультет с хорошей математической и приличной, можно сказать, физической подготовкой.

Дело в том, что готовили нас на решение известных инженерных задач на основе известных формул, будем так говорить. И пробелы, которые есть, не столько в том, что нам рассказывали, сколько в том, как построили способ мышления. Или мы сами, исходя из постановки задач. Вот это до сих пор сказывается, и думается, что такой способ не самый лучший для вхождения в науку.

...Знаете, я, сидя в этом кресле, недавно подсчитал, что это ужасно — сидеть в этом административном кресле с 1968 года руководителем института. К сожалению, с тех пор вынужден прежде всего думать, как добыть средства, и все меньше об основной работе, о творчестве. И вот сейчас я провел почти три недели в отъезде, в том числе на собрании в Москве, где были даже драматические события, выборы новых академиков. Такие, например: Александр Николаевич Яковлев прошел над планкой с пятью голосами всего в свою пользу. Когда Ягодина, министра образования СССР, «завалили» на общем собрании...

И вдруг на последнем из заседаний, где, как правило, утверждают и поздравляют избранных, происходит казус. Одного товарища, философа, не избрали по совершенно неожиданному мотиву. Оказывается, он в качестве хобби занимается всяческими экстрасенсами, движением предметов и еще чем-то, того хуже — имеет смелость, как считают в Академии, особенно физики, высказывается в печати по этому поводу. И вот тогда ему припомнили, какое это имеет отношение к философии.

— Значит ли это, что все сверхъестественное вы отрицаете?

— Нет. Я считаю, что есть

что вот он чувствует эту аналогию, а разобраться мне предстоит самому.

К сожалению, не довелось мне сделать ни единой совместной работы с ним, здесь проявляется интересная роль руководителя. Шубников — человек занятый, особый, суховатый такой. И склада такого — интеллигентно-тощего, человек аскетический слегка. Он старался всегда прежде всего наукой заниматься сам, хотя был директором института, академиком. Он вставал в шесть часов утра и садился за стол. И его настроение, когда он приезжал в десять — пол-одиннадцатого в институт, зависело от того, как он поработал в это утро. Об этом все узнавали у секретаря, которая его хорошо знала и изучила. Если говорила, что сегодня он работал в корзину, то есть порвал, что написал, тогда к нему лучше не ходить.

— Простите, а ваша секретарша тоже так говорит посетителям?

— Да нет, у меня более ровный характер. Не скажу худого слова и о Шубникове. Но он мог в любое время любого из

предпочли предложение академика Киренского?

— Вы знаете, я думаю, это связано с тем, что больше всего я ценю самостоятельность.

— Кстати, вам не кажется, что переезд многих ученых в Сибирь в свое время вслед за академиком Лаврентьевым при организации Сибирского отделения АН СССР был своеобразным протестом против застоя и косности в столичной Академии?

— Я бы оценил это несколько иначе. Мои наблюдения показывают, что все-таки там, где есть перенаселенность, — ну а в Москве это, безусловно, есть, когда доктора наук работают как младшие научные сотрудники. Так вот, там есть люди с нереализованным потенциалом, которые в каком-то смысле готовы идти на определенные неудобства, с тем чтобы этот потенциал реализовать. Иногда это вульгарно интерпретируется как карьеризм. Но на самом деле это совсем не так.

Я думаю, что каждый человек ощущает срок, который отпущен для творческой работы.

— Но вот вы также гово-

силы не сверхъестественные, а непонятные. Честно говоря, я не видел никаких движущихся предметов. Здесь все-таки есть определенная мистика. Скажем, если речь идет о комнате, то обязательно темной. И все мистическое проявляется в периоды нестабильности... Ну, а я знаю реальные, надежные работы о передаче мысли на расстоянии, если хотите...

— Я знал о таких работах лет тридцать назад, когда еще начинал учиться, от друзей по нынешнему психологическому факультету МГУ.

— Нет, я не отрицаю всего этого, но просто считаю, что вне реальности вроде бы ничего не должно быть.

Может быть, какой-то пласт мы действительно не достали, это возможно. И надо об этом думать, каким-то нетрадиционным образом. Возможно, что у кого-то из молодых мелькнет совершенно завиральная идея...

— Ну, а пока что я поздравляю вас с днем рождения.

— Спасибо.

Е. КОМАРСКИХ,
научный обозреватель «Красноярского рабочего».